

УДК 81

МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НАЧАЛА XX В.Евгения А. Соловьева¹.@¹ Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
@e_rossignol@mail.ru

Поступила в редакцию 06.03.2018. Принята к печати 03.05.2018.

Ключевые слова: метафора, военный субстандартный вокабуляр, коммуникация, речевые акты, военнослужащие.**Аннотация:** В настоящее время лингвистика проявляет значительный интерес к изучению проблем социальной коммуникации. Данное направление непосредственно связано как с теорией речевых актов, так и с теорией номинации. Лингвокогнитивный подход представляет значительный исследовательский интерес, поскольку он позволяет рассматривать коммуникацию в зависимости от мышления и когнитивного опыта индивида и социума. Метафора часто используется в процессе коммуникации. Она позволяет реализовать прагматическую интенцию говорящего и достичь желаемого воздействия на адресата. Впервые на материале французского субстандартного военно-профессионального вокабуляра начала XX в. автор статьи исследует с точки зрения теории речевых актов коммуникативную функцию метафоры, репрезентирующей реалии военной сферы. Показано, что функционирование метафор в процессе коммуникации обусловлено психологическими и прагматическими потребностями, связанными с повседневной профессиональной деятельностью. Кроме того, обращение к метафорам в процессе речи позволяет французским военнослужащим манифестировать свою корпоративную принадлежность.**Для цитирования:** Соловьева Е. А. Метафора в профессиональной коммуникации французских военнослужащих начала XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 219–224. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-219-224>.

Коммуникация представляет собой вербальный и невербальный обмен информацией, который реализуется не только индивидуально, но и коллективно внутри различных социальных образований, включая профессиональные сообщества. В настоящее время объектом изучения современной лингвистики становится преимущественно социальная коммуникация, которая обычно преследует три основные цели: познавательную, побудительную и экспрессивную [1, с. 210].

Исследование вербальной коммуникации неразрывно связано с таким понятием, как речевой акт. Согласно классическому положению, предложенному Дж. Л. Остином, речевой акт представляет собой трёхкомпонентный феномен, включающий в себя *локутив* – собственно предложение с его непосредственным семантическим смыслом и синтаксической структурой; *иллокутив* – интенцию говорящего, т.е. его целевую установку при реализации пропозиционального содержания, и *перлокутив* – воздействие, оказываемое на собеседника после реализации речевого акта [2, с. 108]. Дж. Сёрл в зависимости от целевых установок адресанта выделяет пять основных типов речевых актов: асертивы (или репрезентативы), директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [3, с. 1–14].

Метафора является одним из наиболее выразительных языковых средств, которое часто используется человеком в процессе речевого общения. Она также может служить эффективным инструментом, позволя-

ющим реализовать прагматическую интенцию адресанта [4; 5]. Кроме изучения прагматического аспекта, в современной лингвистике большой интерес вызывает когнитивный подход, который предоставляет комплексный взгляд на коммуникацию как на явление, зависящее и от особенностей когнитивного опыта индивида и общества [6; 7].

На сегодняшний день лингвистами признаётся необходимость изучения метафорической системы языка в ретроспективном и диахроническом аспектах [8]. Реализация данного направления в рамках когнитивного подхода, который рассматривает языковые проявления как вторичные по отношению к ментальным структурам (концептам и фреймам), позволяет выявить особенности восприятия и концептуализации окружающей реальности, свойственные социуму определённой эпохи и в конечном счёте проследить их эволюцию. Кроме того, весьма интересным и перспективным оказывается изучение речевых практик, зафиксированных в различных исторических источниках, поскольку оно также способствует более глубокому пониманию психологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние на выбор тех или иных вербализаторов [9].

Хотя в последнее время исследователи подчёркивают необходимость изучения функционирования метафоры в процессе профессионального общения [10], однако её использование в коммуникации французских военнослужащих остаётся мало исследованным. Осо-

бенно это касается метафорической репрезентации реалий профессиональной сферы при неформальном, повседневном общении коммуникантов, которое часто реализуется путём обращения к субстандартному вокабуляру. Французский субстандартный военно-профессиональный вокабуляр начала XX в. ещё ни разу не становился предметом комплексного когнитивного и лингвопрагматического анализа, что и определяет актуальность нашей работы. Наибольшая сложность подобных ретроспективных исследований связана с тем, что доступные источники практического материала обычно существуют в ограниченном письменно зафиксированном виде, зачастую литературного или же дневниково-эпистолярного характера. Поэтому мы согласны с мнением исследователей, которые в ряде случаев полагают возможным привлекать в качестве источников языкового материала литературные произведения, отражающие профессиональные реалии с высокой степенью достоверности [11, с. 189–190].

Поскольку в настоящее время ещё не создана единая концепция профессионального языка, нами было сформулировано рабочее определение *специальной лексической единицы военного дела* (далее СЛЕВД), под которой мы понимаем лексическую единицу простой или сложной структуры, включенную в специализированные военные словари и номинирующую реалию военного дела. Соответственно, субстандартный военно-профессиональный вокабуляр понимается нами как некодифицированные СЛЕВД, относящиеся к военно-профессиональному просторечию и военному жаргону [12, с. 122].

Целью настоящей работы является исследование *коммуникативной функции метафоры*, репрезентирующей реалии военной сферы во французском военном социуме начала XX в. Объектом изучения служит субстандартный французский военно-профессиональный вокабуляр периода 1900–1918 гг., извлечённый из специализированных словарей [13–15] и использующийся в речи, в коммуникативных актах французских военнослужащих начала XX в. Источником текстового материала явились произведения художественно-документального характера французских писателей-участников Первой мировой войны Анри Барбюса (Henri Barbusse), Ролана Доржелеса (Roland Dorgelès) и Арно Галопена (Arnould Galopin), а также сборник траншейных рассказов, составленный группой ветеранов боевых действий, пожелавших остаться неизвестными. Подвергнутые анализу речевые акты представлены речью персонажей вышеуказанных произведений. Нами были проанализированы 203 речевых акта, содержащих метафорические репрезентации реалий военной сферы. Методологической основой исследования стало положение о взаимосвязи языка, мышления и познания и их взаимной обусловленности. В качестве метода исследования был применён комплексный когнитивный и лингвопрагматический анализ языкового материала.

Анализ практического материала показывает, что метафорическая репрезентация военно-профессиональной реальности наиболее часто реализуется в *ассертивных речевых актах*, которые не являются однородны-

ми и могут варьировать от высказывания-утверждения до высказывания-предположения. Не останавливаясь подробно на проблеме типологии ассертивов, вслед за Дж. Сёрлом мы полагаем, что их основной иллокутивной целью является описание реального положения дел. Реализуя ассертивные речевые акты, адресант общается слушателю определённую информацию, представляя её как истинную и добываясь того, чтобы она была воспринята адресатом в нужном смысле. Например: «– *Le moulin à café!* Un des nôtres, écoute voir: les coups sont réguliers tandis que ceux *boches* n'ont pas le même temps entre les coups; ils font: tac... tac-tac-tac... tac-tac... tac... – Tu t'goures, fil à trous! C'est pas la *machine à découdre*: c'est une motocyclette qui radine sur le chemin de l'Abri 31, tout là-bas» («– *Кофемолка!* Одна из наших, послушай: стрёкот ровный, а у *бошевских* промежутки неровные: так... так-так-так... так-так... так! – Плошаешь, старик! Это не *расивейная машинка*, это мотоциклетка рулит по дороге, ведущей к тридцать первому укрытию») [16, с. 227]. (Прим. автора: здесь и далее перевод автора). В представленном диалоге первый собеседник пытается убедить второго в том, что он слышит выстрелы французского пулемёта. Второй возражает, указывая на ошибку. При этом оба участника речевой ситуации выражают своё мнение путём ассертивных высказываний и активно используют субстандартные метафоры для актуализации реалий военной сферы. Метафоризированные СЛЕВД *moulin à café* (досл. *кофемолка*) и *machine à découdre* (досл. *расивейная машина*) являются синонимами и актуализируют пулемёт (*mitrailleuse*). При этом СЛЕВД *machine à découdre* содержит элементы мрачного юмора и является производной от лексической единицы *machine à coudre* (досл. *шивейная машина*). Соответственно, глагол *découdre* (досл. *распарывать*) переосмысливается как *tuer* (*убивать*). Вероятным прототипическим признаком метафорических переосмыслений выступает не только возможное частичное сходство звука, производимого бытовыми приборами, и выстрелов пулемёта, но и вращательное движение механизма при стрельбе.

Адъективированная единица *boche* образована от субстандартной метафоризированной СЛЕВД *Boche* (*немец*), происхождение которой до конца неясно. Достаточно вероятной представляется её деривация от идиоматического выражения *tête de boche*, имеющего значение *tête dure* (досл. *твёрдая голова – тупая, упрямая голова*) [15, с. 74]. Как видно из представленного примера, с формальной точки зрения целесообразность обращения к субстандартным СЛЕВД для актуализации реалий военной сферы не находит достаточного объяснения. По нашему мнению, прибегая к альтернативной субстандартной номинации, собеседники манифестируют свою общую корпоративную принадлежность, которая предполагает наличие сходного военно-полевого опыта, что делает их высказывания сопоставимыми по степени убедительности. Соответственно, аргумент, приведенный адресатом, воспринимается слушателем как адекватный и заслуживающий внимания. Кроме того, наивная метафорическая репрезентация смертоносного

вооружения (пулемёта) в виде предметов быта, один из которых переосмыслен с элементами мрачно-иронической коннотации, отражает личный когнитивный опыт и психологические особенности восприятия реальности, свойственные представителям данной социальной группы в конкретный исторический момент. Вербализация вооружения противника путём обращения к адъективированной единице *boche*, содержащей девалоризирующую коннотацию, также привносит экспрессивно-оценочный компонент.

Рассмотрим ещё пример: «– Où s’qu’il est maintenant le cuisinier qui trouvait toujours du feu? demanda Cadilhac. – Il est mort. Une *marmite* est tombée dans sa *marmite*. Il n’a rien eu, mais il est tout de même mort d’saisissement quand il a vu son macaroni les jambes en l’air; un spasme du cœur, qu’a dit le toubi» («– А где сейчас тот повар, что всегда исхитрялся развести огонь? спросил Кадийак. – Он умер. К нему в *кастрюлю* влетел *чугунок*. Его не задело, но он всё же умер от потрясения, когда увидел, как его макароны разлетелись вверх тормашками; сердечный спазм, как сказал док») [16, с. 34]. Ответ на вопрос сослуживца представлен ассертивными высказываниями, содержащими игру слов, основанную на прямом и переносном употреблении лексической единицы *marmite* (досл. *кастрюля, котёл, чугунок*). Образованная путём метафорического переноса на основе сходства формы и размера, СЛЕВД *marmite* вербализует крупнокалиберный снаряд чаще немецкого происхождения. В представленном примере обращение к метафоре также носит преимущественно психологический характер, поскольку позволяет рассказать о трагическом эпизоде с элементами комичности, превращая жестокую реальность в театральный гротеск, что снижает психотравмирующий эффект от сказанного. Использование выражения *les jambes en l’air* (вверх тормашками) по отношению к макаронам преследует те же цели. Кроме того, СЛЕВД *marmite* обладает когнитивным потенциалом, который даёт возможность сообщить информацию о разновидности снаряда, не прибегая к дополнительным лексическим средствам.

Поскольку метафорическая репрезентация реалий военной сферы зачастую содержит активный эмотивный и оценочный компонент, её использование отмечается и в **экспрессивных речевых актах**. Мы разделяем точку зрения Н. А. Трофимовой, которая трактует экспрессивные речевые акты как «акты, реализующие интенцию выражения психологического состояния и оказания эмоционального воздействия на адресата», при этом их пропозициональное содержание либо напрямую относится к адресату, либо адресат является ответственным за него [17, с. 6, 13].

Необходимо учитывать, что конкретная иллюквативная цель экспрессивов может быть весьма разнообразной: от комплимента и радости до злой иронии и откровенной агрессии. «– Sacrés *poilus*!... va... vous serez toujours les mêmes. On vous croit morts ou prisonniers et vous reparaissez tout à coup avec des bottes de félicitations... » («– Чёртovy *пуалю*!... вы никогда не изменитесь. Вас считают погибшими или попав-

шими в плен, а вы вдруг возвращаетесь с ворохом поощрений...») [18, с. 220]. Анализируемый фрагмент представлен экспрессивным и ассертивным речевыми актами. Субстандартная СЛЕВД *poilu* (досл. *волосатый*), репрезентирующая солдата-фронтовика, является одной из самых известных номинаций периода Первой мировой войны. Совмещая в себе метонимический и метафорический переносы значения, она трансформируется в символ, позволяющий выделять референта в специфическую категорию. Метонимическая составляющая обусловлена тем, что солдаты на передовой не могли оставаться гладко выбритыми и аккуратно подстриженными. А метафора, связывающая предметный концепт «Человек с густым волосатым покровом» (отчасти по ассоциации с гривой льва, символизирующего храбрость и силу) и абстрактный «Вирильность», позволяет репрезентировать фронтовика как храброго человека с выраженным мужским характером. В приведенном экспрессивном речевом акте СЛЕВД *poilu* играет роль комплимента и активно передаёт положительный психологический настрой адресата по отношению к слушающим его соратникам.

Приведем ещё пример: «– ... Et les copains qui vont peut-être avoir à se battre demain, tu t’en fous, toi... Tu resteras là à éplucher tes patates. *Embusqué!*» («– ... А на ребят, которые возможно завтра, должны будут драться, тебе плевать... Ты ведь останешься здесь чистить свою картошку. *Уклонист!*») [19, с. 195]. В приведенном фрагменте СЛЕВД *embusqué* (досл. *завесивший в засаде*) играет роль инвективы, но, скорее, является ярким отрицательным эмоционально-оценочным высказыванием, поскольку имеет рациональную мотивацию. Возникнув в казарменном вокабуляре ещё до начала Первой мировой войны, СЛЕВД *embusqué* актуализировала военнослужащего, пользующегося снисходительным к себе отношением и освобождённого от нарядов. Однако наибольшую популярность и расширение смысла данное метафорическое переосмысление получило в период Первой мировой войны в связи с распространённым социальным явлением, вербализуемым при помощи неологизма *embuscade* (досл. *сидение в засаде*), который отражал уклонение от войны, практикуемое многими членами французского общества [20, с. 389].

Метафорическая репрезентация военно-профессиональных реалий также обнаруживается и в **директивных речевых актах**, иллюквативная цель которых состоит в том, чтобы обязать собеседника выполнить какое-либо действие. «Toujours calme, le capiton commanda: – Tout le monde sur le talus! Allez-y à la *fourchette!*» («Сохраняя спокойствие, капитан командовал: – Все на насыпь! Вперёд, в *штыки!*») [21, с. 170]. Отдавая приказ в критической ситуации, командир подразделения использует СЛЕВД *fourchette* (досл. *вилка*), которая актуализирует штык. «Наивное» с элементами мрачного юмора переосмысление военно-профессиональной реалии основано на частичном сходстве формы, функции и действий, производимых с предметами. С позиции логики предпочтение вербализатора, представленного метафорой, не может быть объяснено,

поскольку его использование не даёт заметных преимуществ ни в понимании сути приказа, ни в экономии речи. Поэтому мы отчасти разделяем точку зрения А. Сабера, который отмечал, что «даже когда метафорическая репрезентация реальности не является необходимой, профессиональная культура военного её навязывает» [11, с. 190]. Однако, по нашему мнению, выбор вербализатора может не только определяться корпоративной культурой, которая предписывает определённое речевое поведение, но и зависеть от когнитивного и культурного опыта человека. Так, в начале XX в. употребление СЛЕВД *fourchette* в значении *baïonnette* (штык) фиксируется преимущественно в выражении *aller à la fourchette*, которое синонимично выражению *charger à la baïonnette* (идти в штыки). Однако прежде отмечалось использование этой единицы в идиоматическом выражении *déjeuner à la fourchette* (досл. завтракать при помощи вилки), которое имело значение *attaquer à la baïonnette* (атаковать при помощи штыка) или *se battre en duel* (драться на дуэли) [15, с. 212]. Следовательно, переосмысление рукопашного поединка с использованием колющего оружия посредством ассоциации с действиями со столовым прибором является привычным для французской ментальности. Этот факт не вызывает удивления, поскольку гастрономия представляет один из доминирующих концептов, характерных для французской общенациональной культуры [22, с. 84].

Кроме того, СЛЕВД *fourchette* тесно связана с личным когнитивным и культурным опытом представителей данной социальной группы в конкретный исторический период. Подтверждение этому мы находим в тексте: «*La fourchette? Vous savez ce que c'est? Non. Vous croyez que c'est la baïonnette. C'est un peu ça, d'abord, mais c'est surtout la crosse, la matraque, les poings, les dents, la griffe, l'étranglement et la morsure, la saignée et l'assommé...*» («Вилка? Вы знаете, что это такое? Нет. Вы думаете, что это штык. Это примерно так, но прежде всего это приклад, дубинка, кулаки, зубы, когти, удушение и укусы, кровопускание и убийство...») [21, с. 170–171]. Таким образом, в от-

личие от своего формализованного синонима СЛЕВД *fourchette* оказывается не только непосредственно соединённой с конкретным прагматическим воплощением «штыковой атаки», но и содержит определённый культурный компонент. Как справедливо отмечает исследователь М. Дики-Кидири, наиболее подходящим и наиболее принимаемым наименованием чаще всего является то, которое наилучшим образом соответствует языку и культуре говорящих [23, с. 580].

«— ... *Arrosez dès huit heures le village de V...-le-Gh. ... direction Grande Rue. Avez-vous compris? Allô! allô!*» («Начиная с восьми часов, ведите огонь по деревне В...-ле...Г..., ... направление Гранд Рю. Вы поняли? Алло! Алло!») [21, с. 159]. В приведённом директивном речевом акте приказ отдаётся с использованием субстандартной СЛЕВД *arroser* (досл. поливать, опрыскать), которая образована путём метафорического переноса по сходству действия и имеет значение *bombarder* или чаще *bombarder méthodiquement* (обстреливать или планомерно обстреливать). Обращение к метафоре позволяет не только сэкономить речь, но и привести оценочную составляющую, что способствует более эффективной коммуникации во время боевых действий.

Итак, анализ практического материала показывает, что в начале XX в. метафора, репрезентирующая реалии военной сферы, достаточно активно функционирует в основных речевых актах, обеспечивающих повседневную профессиональную коммуникацию. При этом обращение в процессе речевого акта к субстандартным СЛЕВД, образованным при помощи метафорического переноса, зачастую имеет психологическую мотивацию, оно способствует лучшей адаптации военнослужащих к тяжёлым реалиям военной действительности, а также служит для экономии речевых средств и манифестации культурно-корпоративной принадлежности. Удовлетворяя главенствующим целям любой социальной коммуникации (познавательной, экспрессивной и побудительной), метафора является неотъемлемой частью военной культуры начала XX в. и обеспечивает эффективную коммуникацию в многообразных ситуациях, связанных с текущей профессиональной деятельностью.

Литература

1. Морозова О. Н., Базылева О. А. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 1. С. 204–211.
2. Austin J. L. How to do things with words. Oxford university press, 1962. 167 p.
3. Searle J. R. A classification of illocutionary acts // Language in society. 1976. Vol. 5. № 1. P. 1–23.
4. Lakoff G. Obama reframes Syria: Metaphor and war revisited. 2013. Режим доступа: <https://escholarship.org/content/qt8xm8z9s6/qt8xm8z9s6.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).
5. Ervas F., Gola E., Rossi M. G. Metaphors and emotions as framing strategies in argumentation // CEUR-Workshop Proceedings. 2015. Vol. 1419. P. 645–650.
6. Красных В. В. Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве / под ред. Б. Я. Шарифуллина. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. Вып. 4. С. 46–50.
7. Заботкина В. И. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 102–111.
8. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
9. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 494 с.

10. Rossi M. Des ours et des taureaux: les métaphores dans les terminologies de spécialité sont-elles traduisibles // Dans l'amour des mots. Chorale (s) pour Mariagrazia / eds. Paissa P., Rigat F. et Vittoz M. B. Dell'Orso, Alessandria, 2015. P. 109–122.
11. Saber A. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains // Cahiers du CIEL 2000–2003 / ed. C. Cortès, 2003. P. 187–197.
12. Соловьёва Е. А. Неантропоцентрическая метафора в современной французской субстандартной военно-профессиональной лексике // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 214–217. Режим доступа: <https://hses-online.ru/2016/06/031.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).
13. Dauzat A. L'argot de la guerre: d'après une enquête auprès des officiers et soldats. Librairie Armand Colin, 1918. 293 p.
14. Esnault G. Le poilu tel qu'il se parle. Bossard, 1919. 624 p.
15. Cassagne J. M. Le grand dictionnaire de l'argot militaire. Paris: Little Big Man, 2007. 459 p.
16. Barbusse H. Le feu: (journal d'une escouade). E. Flammarion, 1917. 378 p.
17. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
18. Galopin A. Les Poilus de la 9e. Albin Michel, 1915. 482 p.
19. Dorgelès R. Les croix de bois. Albin Michel, 1919. 345 p.
20. Cochet F., Porte R. Dictionnaire de la grande guerre: 1914–1918. Paris: R. Laffont, 2008. 1120 p.
21. Contes véridiques des tranchées 1914–1915. A. Lemerre, 1915. 300 p.
22. Кравцов С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 391 с.
23. Diki-Kidiri M. Le signifié et le concept dans la dénomination // Meta: Journal des traducteurs. 1999. Vol. 44. № 4. P. 573–581.

METAPHOR IN PROFESSIONAL COMMUNICATION OF THE FRENCH MILITARY PERSONNEL IN THE EARLY XX CENTURY

Evgeniya A. Solovyova^{1, @}

¹ Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-na-Donu, Russia, 344006
@e_rossignol@mail.ru

Received 06.03.2018. Accepted 03.05.2018.

Keywords: metaphor, military substandard vocabulary, communication, speech acts, military personnel.

Abstract: Social communication becomes a matter of considerable interest to contemporary linguistics, and this research branch is interrelated with a speech act theory. Metaphor is one of the most expressive language devices and it is often used in the communication process. It allows one to realize the speaker's pragmatic intention and to achieve the desired impact on the recipient. Basing on the speech acts theory, the author explores the communicative function of the metaphors selected from the French military vocabulary which dates from the early XX century. The author focuses on the metaphors encoding the military realities and shows that the metaphorical functioning is conditioned by the psychological and pragmatic needs which are closely connected to the everyday professional activity. Furthermore, the use of metaphors in the speech provides the way to manifest the military corporate identity.

For citation: Solovyova E. A. Metafora v professional'noi kommunikatsii frantsuzskikh voennosluzhashchikh nachala XX v. [Metaphor in Professional Communication of the French Military Personnel in the Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 219–224. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-219-224>.

References

1. Morozova O. N., Bazyleva O. A. Opredelenie poniatia kommunikatsii v sovremennoi lingvistike [Definition of communication in modern linguistics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 7, no. 1 (2011): 204–211.
2. Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford university press, 1962, 167.
3. Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in society*, 5, no. 1 (1976): 1–23.
4. Lakoff G. *Obama reframes Syria: Metaphor and war revisited*. 2013. Available at: <https://escholarship.org/content/qt8xm8z9s6/qt8xm8z9s6.pdf> (accessed 23.02.2017).

5. Ervas F., Gola E., Rossi M. G. Metaphors and emotions as framing strategies in argumentation. *CEUR-Workshop Proceedings*, vol. 1419 (2015): 645–650.
6. Krasnykh V. V. Rol' iazyka v svete integrativnykh issledovaniy [A role of language in aspect of integrative studies]. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in communicative space]. Ed. Sharifullin B. Ya. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, no. 4 (2013): 46–50.
7. Zobotkina V. I. Rerezentatsiia iavlenii kul'tury v mental'nykh modeliakh i diskurse [Representation of cultural events in mental models and discourse]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, consciousness, communication]. Ed. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKSS Press, no. 53 (2016): 102–111.
8. Balashova L. V. *Russkaia metafora: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 496.
9. Ulanov A. V. *Russkii voennyi diskurs XIX – nachala XX veka: struktura, spetsifika, evoliutsiia*. Diss. doktora filol. nauk [Russian military discourse in XIX – early XX century: structure, specificity, evolution. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Omsk, 2014, 494.
10. Rossi M. Des ours et des taureaux: les métaphores dans les terminologies de spécialité sont-elles traduisibles. *Dans l'amour des mots. Chorale (s) pour Mariagrazia*. Eds. Paissa P., Rigat F. et Vittoz M. B. Dell'Orso, Alessandria, 2015, 109–122.
11. Saber A. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains. *Cahiers du CIEL 2000–2003*. Ed. Cortès C. 2003, 187–197.
12. Solovyova E. A. Neantropotsentricheskaia metafora v sovremennoi frantsuzskoi substandartnoi voenno-professional'noi leksike [The non-anthropocentric metaphor in the modern French substandard military vocabulary]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*, no. 6. (2016): 214–217. Available at: <https://hses-online.ru/2016/06/031.pdf> (accessed 23.02.2017).
13. Dauzat A. *L'argot de la guerre: d'après une enquête auprès des officiers et soldats*. Librairie Armand Colin, 1918, 293.
14. Esnault G. *Le poilu tel qu'il se parle*. Bossard, 1919, 624.
15. Cassagne J. M. *Le grand dictionnaire de l'argot militaire*. Paris: Little Big Man, 2007, 459.
16. Barbusse H. *Le feu: (journal d'une escouade)*. Flammarion, 1917, 378.
17. Trofimova N. A. *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. Saint-Petersburg: Izd-vo VVM, 2008, 376.
18. Galopin A. *Les Poilus de la 9e*. Paris: Albin Michel, 1915, 482.
19. Dorgelès R. *Les croix de bois*. Albin Michel, 1919, 345.
20. Cochet F., Porte R. *Dictionnaire de la grande guerre: 1914–1918*. Paris: R. Laffont, 2008. 1120 p.
21. *Contes véridiques des tranchées 1914–1915*. A. Lemerre, 1915, 300.
22. Kravtsov S. M. *Kartina mira v russkoi i frantsuzskoi frazeologii (na primere kontsepta «Povedenie cheloveka»)*. Diss. doktora filol. nauk [A picture of the world in the Russian and French Phraseology (the case of the «Human Behavior» Concept). Dr. Philol. Sci. Diss.]. Rostov on Don, 2008, 312.
23. Diki-Kidiri M. Le signifié et le concept dans la dénomination. *Meta: Journal des traducteurs*, 44, no. 4 (1999): 573–581.